В этом году, 5 декабря, исполнилось 130 лет со Дня рождения великого фотографа и дизайнера Александра Михайловича Родченко. Статья приурочена к юбилею и рассматривает взгляды "нового" советского человека на Западную жизнь и ценности на основе опубликованных личных писем фотографа.

Письма Александра Михайловича рассматривались ранее в работах Г. Климова и Л. Юниверг "СССР на Парижской выставке" и Т. Журавлинской "Пространство будущего и прошлого в экспозиции СССР на Международной выставке современных декоративных и промышленных искусств в Париже в 1925 года". Однако исследователи обращаются к письмам исключительно для изучения Парижской выставки, обходя стороной оценку фотографом чуждого и непонятного ему западного мира.

This year, December 5, marks the 130th anniversary of the birth of the great photographer and designer Alexander Mikhailovich Rodchenko. The article is timed to coincide with the anniversary and examines the views of the "new" Soviet man on Western life and values on the basis of the photographer's published personal letters.

Alexander Mikhailovich's letters were considered earlier in the works of G. Klimov and L. Univerg "USSR at the Paris Exhibition" and T. Zhuravinskaya "Space of the Future and the Past in the USSR Exposition at the International Exhibition of Contemporary Decorative and Industrial Arts in Paris in 1925". However, researchers turn to letters exclusively to study the Paris exhibition, bypassing the photographer's assessment of the Western world, alien and incomprehensible to him.

DOI: 10.18254/S241328880017588-0

Александр Родченко о Париже. Из «Писем домой»

Клоос Эмилия Валерьевна

*Российский государственный гуманитарный университет
Российская Федерация, Москва*

Аннотация

Статья посвящена анализу писем А. М. Родченко, которые были написаны им в Париже во время подготовки павильона Советского Союза к Международной выставке современных декоративных и промышленных искусств 1925 года. Изучается восприятие «новым» советским человеком культуры Западного мира. Письма помогают осмыслить не только европейский, но и советский мир периода 1920-х годов.

5 декабря 2021 года будет юбилей со дня рождения Александра Михайловича Родченко: 130 лет! Круглой датой, а также возрастающим интересом к повседневной истории обусловлена актуальность данной статьи. Новизной является интерпретация данного источника в контексте взглядов Александра Родченко на Париж. Исследователи обращаются к письмам исключительно для изучения выставки, обходя стороной интереснейшие оценки и мнения Родченко относительно чуждого и непонятного ему западного мира.

Родченко впервые посетил Францию и остался ей крайне недоволен. Ему было некомфортно, одиноко, стараясь отвлечься от чуждого ему мира, он практически ежедневно писал письма жене Варваре Степановой в Россию. Временные рамки парижских писем, написанных им, датируются с 19 марта по 14 июня. Родченко пробыл во Франции около трех месяцев, написав за это время 52 письма. В 1927 году они были частично опубликованы в журнале «Новый ЛЕФ». Полная же их публикация состоялась лишь в 2014 году. Отмечу, что подлинники документов, по всей видимости, хранятся в личном архиве семьи. Для издания их предоставил А. Лаврентьев, внук Родченко и Степановой.

Ключевые слова: А. Родченко, Международная выставка 1925 года, русские в Париже, письма Родченко, взгляд «нового» человека

*Кому Париж только давай. А мне бы бежать из него поскорей!
(Письмо от 19 мая 1925).*

В 1925 году Александр Родченко (1891–1956) – известный представитель авангарда, ярчайший фотограф и оформитель впервые посетил за границу. В составе советской делегации он отправился в Париж для работы над оформлением павильона СССР на Международной выставке декоративного искусства и художественной промышленности. Оказавшись в новой обстановке, он чувствует себя неуютно, многое ему чуждо и непонятно. Спасаясь от действительности, он ежедневно пишет домой. Письма служат ему «мостиком» в родную страну, он чувствует себя спокойно, приближаясь мыслями к близким и абстрагируясь от чужого запада. В них Родченко рассуждает о западном мире, подмечает его недостатки, сравнивает с Советским Союзом.

В целом, рассказ Александра Родченко о пребывании в Париже можно условно разделить на две темы. Первая – это непосредственно сведения о работе над павильоном для выставки. А вторая – это впечатления о Париже, его жителях, нравах и повседневности. Они представляют особый интерес, так как посредством них мы можем изучить особенности советского быта, а также специфику мышления советского «нового» человека, к которым Родченко, безусловно, относился.

Письма Александра Родченко проливают свет на ход строительства советских павильонов на Международной выставке. Отображая процесс работы изнутри, они дают представление о неудачах и трудностях, с которыми пришлось столкнуться, о бешеном напряжении сил и постоянных проволочек с открытием. Такие подробности можно узнать лишь из первых уст. Никакие официальные документы или журналистские репортажи не могут отразить подобного.

Так, Родченко часто жалуется на безделье окружающих: «Я сегодня злой, даже ушел домой в 3 часа. Надоело: все говорят, а работать некому»¹. Стремясь домой, он старается скорее завершить работу, помогает другим, поэтому особенно злится, когда кто-то отлынивает от работы.

Но не смотря на все прилагаемые усилия работа движется медленно. «Ввиду того что все затягивается или просто все работают не спеша, я решил работать всюю; хочу, чтобы

25-го обязательно все расставить и 5-го уехать. Устаю как собака и писать буду мало. Работаю на ногах с 8 утра до 7 вечера»².

Открытие павильона многократно переносилось. Скучая по дому, Родченко высчитывал дни до отъезда, о чем беспрерывно писал родным. Первоначально павильон планировали открыть с 20 по 25 апреля, но постепенно этот день откладывался. «Опять печальное известие. Выставка, т. е. наш отдел СССР, откроется только 4 июня по распоряжению Красина; значит, я выеду 10-го, не раньше»³.

Непрерывно работая, Родченко не всегда имел достаточно времени изучить Париж и особенности западной жизни, однако в находившееся свободные минуты он гулял по городу, часто заглядывал в магазины. Его удивляло количество товаров, их избыток и относительная дешевизна. «Здесь миллионы вещей, от них идет кругом голова, все хочется купить вагонами и везти к нам... Я понимаю теперь капиталиста, которому все мало, но это же опиум жизни – вещи»⁴. Интересно, что, отмечая изобилие товара и желая все купить, Родченко критикует подобный культ, он находит ненормальным, что человек становится зависимым от вещей. Однако, он все же привез из Парижа фотоаппаратуру и новые костюмы.

Александру Родченко не нравилось все в Париже, начиная от уличной рекламы, заканчивая модой. «Женщины тоже одеваются совсем одинаково, так что своей жены не найдешь»⁵. Это единообразие тяготило его. Ему приходилось покупать новые костюмы, ботинки, менять свой обычный головной убор, потому что на него странно смотрели прохожие. Он чувствовал себя белой вороной, и чтобы не выделяться ему приходилось следовать определенным правилам моды. «Теперь воротничков у меня 12 штук и два галстука. Без этого всего здесь просто нельзя. И то я чувствую, что я еще все не такой, как все, а здесь нужно быть, как все»⁶.

Первое, что поразило его в Париже, было биде в номере и человек, продающий неприличные карточки. Не менее удивляло и пугало его уличное движение. Этой теме он посвятил ни одно письмо, сильно встревожив жену и мать: «Твой сын все бежит по Парижу, удирает от автомобилей. Вчера такое было движение, что у меня к вечеру отупела голова. Недаром во время осады Парижа автомобили спасли Париж. ... Ну, ты не бойся, я ведь не очень суетливый, хожу спокойно. Жду, когда промежуток между авто освободится сажени на четыре-пять»⁷.

Особенный интерес вызывают незначительные детали и мимолетные комментарии Александра Родченко об устройстве быта за границей. Например: «Моюсь я здесь без конца, потому что вода в комнате и горячая и холодная»⁸. И хотя особой нужды так часто мыться у него нет, он наслаждается подобной неведанной роскошью. Несколько раз он хвастается этим удобством в своих письмах, это его явно восхищает. Другая любопытная деталь: «Вернулись в Париж на электричке в девять часов вечера, обедал и пил настоящее Шабли. И, действительно, во рту остается вкус винограда. Очень вкусно...»⁹. Интересно, что Родченко особенно акцентирует внимание на «вкус винограда» у вина. Выходит, он не пробовал настоящего вина. Как легко удивить неискушенного советского человека: горячей водой в номере, да нормальным вином.

Удивляло его и отношение к женщинам. «Культ женщины как вещи. Культ женщины как червяка сыра и устриц, – он доходит до того, что в моде сейчас «некрасивые женщины», женщины под тухлый сыр, с худыми и длинными бедрами, безгрудые и беззубые, и с безобразно длинными руками, покрытые красными пятнами, женщины под Пикассо, женщины под «негров», женщины под «больничных», женщины под «отбросы города»¹⁰. Родченко искренне не понимает, как может быть мода на женщин, почему они этому следуют, зачем это делают? «И женщины здесь действительно хуже вещи, они форменным образом сделаны, все: руки, походка, тело. Сегодня мода, чтобы не было грудей, – и ни у одной их нет... Сегодня

мода, чтобы был живот, – и у всех живот. Сегодня мода, чтобы были все тонкие, – и все тонкие. Они действительно все, как в журнале»¹¹. Александр Родченко заключает: «Женщина-вещь, это их погибель»¹². Происходит столкновение двух культур: одна и та же ситуация в глазах иностранцев и советского человека выглядит кардинально противоположно. Обыденные и давно понятные советскому человеку вещи трактуются совершенно по-другому и считается, что это нормально.

Александр Родченко посетив стриптиз-клуб в Париже. «Ведь здесь масса театров, где целый вечер на сцене выходят, и ходят, и молчат голые женщины в дорогих и огромных перьях, на дорогих фонах, и больше ничего, – пройдет и все... и разные, разные и все, понимаешь, проходят голые, и все довольны... «а зачем»...

Вот их идеал – «разные» да голые... и молчат, и не пляшут, и не двигаются. А просто проходят... одна... другая... третья... пять сразу, двадцать сразу... и все...

Да я еще и не могу и написать точно, до чего «ничего», до чего это – «вещи», до чего это, когда, оказывается, есть только один мужчина человек, а женщин нет человек, и с ними можно делать все – это вещь...»¹³.

Цитата слишком красноречива, чтобы как-то ее комментировать, обращаю лишь внимание на вопрос «а зачем?». В целом, этим можно характеризовать все, что Родченко видел в Париже. Он не понимает, зачем женщины ходят голые, зачем соответствуют стандарту, зачем столько вещей, если все их купить невозможно. Но главное, он никак не может понять, зачем вообще существует этот запад, ради чего он живет.

Александр Родченко тяготился западом. Ему было трудно там находиться, слишком уж чуждым и бессмысленным казался. Сравнивая с Советским Союзом, отмечая некоторые преимущества западного мироустройства Родченко пишет: «Странно, что все работают и что все идет хорошо, так, как бы хотелось, чтобы шло у нас. Но где цель этого всего? Что будет дальше? А зачем?»¹⁴. Ему трудно понять для чего живет этот чуждый ему мир, какие идеалы в себе несет, ради чего существует. Не видя конечной цели, он разочаровывается: «Зачем я его увидел, этот Запад, я его любил больше, не видя его. Снять технику с него, и оно останется паршивой кучей, беспомощный и хилый... Я не люблю и не верю всему здесь и даже не могу его ненавидеть. Он так похож на старого художника, у которого хорошо сделаны золотые зубы и искусственная нога. Вот он, Париж, которым я не увлекался раньше, но который я уважал»¹⁵.

Быть может дело в завышенных ожиданиях, или мышление «нового» человека не давало воспринимать мир иначе, чем было в Советском Союзе, однако запад оставил у Александра Родченко неприятные впечатления. Эта неприязнь, не что иное как банальное непонимание непривычной культуры. Родченко был за границей в первый раз, поэтому ему так тяжело далась эта поездка. Незнание языка все усугубляло. Кроме того, большую роль сыграло само отношение советского человека к чуждому «капиталистическому западу». Подчеркивая его техническое превосходство, он негодовал о зависимости людей от материальных благ, наслаждаясь удобством и комфортом, он сокрушался об отсутствии высшей цели. Ему не хватало человечности, он чувствовал себя чужим «а здесь нужно быть, как все», он не знал французского языка и изъяснялся жестами. Мечтая поскорее вернуться домой, он работал изо всех сил, а выставку все откладывали. Родченко тяготился разлукой с семьей и Родиной: «И я уверен, если б мне сегодня сказали, что я не вернусь в СССР, я бы сел посреди улицы и заплакал – «Хочу к маме»¹⁶.

«Письма домой» примечательны не только своей открытостью и эмоциональной откровенностью, но обилием многочисленных деталей и подробностей, в том числе о процессе строительства советского павильона. Интересны размышления Родченко о западе, о свободных нравах, о культе вещей. Само восприятие «новым» советским человеком западного мира уже

уникально. Тем более, что Александр Родченко оказался за границей впервые. Он сравнивает все с Советским Союзом и везде видит его превосходство. Интересно, что даже недостатки СССР, такие как отсутствие необходимого количества товаров, горячего водоснабжения, нормального продовольствия воспринимаются Александром Родченко как благо. На духовном уровне Союз все равно возвышается над бесцельным западом. Он ближе и роднее, понятнее и проще.

Дома, в Москве, жена Александра Родченко подшивала письма в специальную тетрадку, чтобы потом опубликовать их. И в 1927 году они увидели свет во втором номере журнала «Новый ЛЕФ». В конце публикации была ремарка Родченко: «Напоминание читателю: Прочёл письма в корректуре. Верно всё: если принять во внимание, что писалось в Париже, в центре «Европы», где я был впервые, так сказать «первое впечатление о ней»¹⁷. Автору импонировала подобная откровенность на публику.

Примечания:

1. Родченко А. М. В Париже. Из писем домой. Москва, 2014. 42 с.
2. Там же, с. 84.
3. Там же, с. 92.
4. Там же, с. 62.
5. Там же, с. 25.
6. Там же, с. 26.
7. Там же, с. 36.
8. Там же, с. 28.
9. Там же, с. 22.
10. Там же, с. 16.
11. Там же, с. 52.
12. Там же, с. 52.
13. Там же, с. 54.
14. Там же, с. 28.
15. Там же, с. 27–28.
16. Там же, с. 20
17. Новый ЛЕФ: Журнал левого фронта искусств. М., 1927 г. №2. Режим доступа: [>>>>](#)

Библиография:

1. Александр Родченко. Фотография - искусство: к 115-летию со дня рождения А. М. Родченко. – М.: Интерроса, 2006.
2. Волков-Ланнит Л. Ф. Александр Родченко рисует, фотографирует, спорит. – М.: Искусство, 1968.
3. Лаврентьев А. Н. Александр Родченко. – М.: Архитектура-С, 2007.

4. Новый ЛЕФ: Журнал левого фронта искусств. М., 1927 г. №2. Режим доступа: <http://tehne.com/library/novyuy-lef-zhurnal-levogo-fronta-iskusstv-m-1927-1928#1927-2>

5. Родченко А. М. В Париже. Из писем домой. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2014.

Alexander Rodchenko about Paris. From «Letters home».

Emily Kloos

*Russian State University for Humanities
Russian Federation, Moscow, Miusskaya Square, 6*

Abstract

The article is devoted to the analysis of the letters of A.M. Rodchenko, which were written by him in Paris during the preparation of the pavilion of the Soviet Union for the International Exhibition of Modern Decorative and Industrial Arts in 1925. The «new Soviet man's» perception of the culture of the Western world is being studied. Letters help to comprehend not only the European, but also the Soviet world of the period of the 1920s.

December 5, 2021 will be the anniversary of the birth of Alexander Mikhailovich Rodchenko: 130 years! The round date, as well as the growing interest in everyday history, is due to the relevance of this article. The novelty is the interpretation of this source in the context of Alexander Rodchenko's views on Paris.

Researchers turn to letters exclusively to study the Paris exhibition, bypassing Rodchenko's most interesting assessments and opinions regarding the alien and incomprehensible Western world.

Rodchenko visited France for the first time and was extremely dissatisfied with it. He was uncomfortable, lonely, trying to distract himself from the alien world, he almost daily wrote letters to his wife Varvara Stepanova in Russia. The time frame of the Paris letters written by him dates from March 19 to June 14. Rodchenko stayed in France for about three months, having written 52 letters during this time. In 1927, they were partially published in the journal «Novy LEF». Their full publication took place only in 2014. I would like to note that the originals of the documents, apparently, are kept in the family's personal archive. For publication, they were provided by A. Lavrentiev, grandson of Rodchenko and Stepanova.

Keywords: A. Rodchenko, International Exhibition 1925, Russians in Paris, Rodchenko's letters, perception of the new Soviet man.

DOI: 10.18254/S241328880017588-0